
ОТКЛИКИ И РЕЦЕНЗИИ

А. Г. БОБРОВ

По поводу статьи М. А. Салминой «К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения „Сказания о Мамаевом побоище“»*

Александр Блок в своем автокомментарии к циклу «На поле Куликовом» писал: «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение». ¹ Именно поэтому битва 1380 г. оставалась и остается до сих пор источником вдохновения для создателей все новых и новых версий исторического повествования. Значительное число памятников, посвященных Куликовской битве в древнерусский период (летописные рассказы и повести, «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище»), ² свидетельствует о непреходящей актуальности самой темы для наших книжников на протяжении даже не десятилетий, а веков после описываемых событий. Особое место среди памятников Куликовского цикла занимает «Сказание о Мамаевом побоище», содержащее самый подробный рассказ о событиях 1380 г. с многочисленными подробностями и реалиями, не зафиксированными другими источниками. Вот почему столь важны неоднократно обсуждавшиеся в научной литературе вопросы, которым посвящена статья М. А. Салминой, — о времени и обстоятельствах возникновения этого произведения и о соотношении его с исторической действительностью.

В историографической части работы кратко перечислены высказывавшиеся ранее соображения о датировке памятника. Заметим, что Л. А. Дмитриев, указав на дискуссионность вопроса о времени написания «Сказания», писал: «Бесспорным можно признать то, что С. было создано не позже кон. XV в.: кон. XV—нач. XVI в. датируется составление Вологодско-Пермской летописи, в которую была включена Летописная редакция С., представлявшая собой уже переработку Основной редакции произведения». ³ Однако Я. С. Лурье показал, что в Лондонском списке, представляющем собой первую редакцию Вологодско-Пермской летописи, «Сказание» переписано не в рамках самой летописи, а как дополнительная статья, отсутствует оно и во второй редакции этого летописного памятника, составленной в 20-х гг. XVI в.; вообще в летописание про-

* Салмина М. А. К вопросу о времени и обстоятельствах создания «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 251—264. Далее ссылки на страницы этой работы в тексте в скобках.

¹ Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1961. Т. 3. С. 587.

² См.: Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959; Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л., 1982; Памятники Куликовского цикла / Главный ред. Б. А. Рыбаков; Ред. В. А. Кучкин. СПб., 1998.

³ Дмитриев Л. А. Сказание о Мамаевом побоище // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 376.

изведение впервые проникает лишь в 30-х гг. XVI в. (Никоновская летопись).⁴ Древнейший список памятника вне летописи также датируется началом — первой половиной XVI в.,⁵ а произведения XV в., как отметил В. А. Кучкин, «не содержит никаких отголосков „Сказания“».⁶ Таким образом, действительно не существует прямых свидетельств существования «Сказания о Мамаевом побоище» ранее XVI в., и взгляды М. А. Салминой на его датировку не противоречат данным рукописной традиции.

«Неожиданной находкой», подтверждающей ее точку зрения на время написания произведения, М. А. Салмина называет опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г., в которой содержится запись о наличии в библиотеке Судебника (и сборника) «до Мамаева побоища». Исследовательница делает на основании этого текста парадоксальный вывод: «Мамаево побоище», «следовательно, должно было произойти в промежуток времени с момента появления Судебника 1497 г. до 1545 г. (года составления «Описи»)» (С. 253).

Фразу описи 1545 г., однако, следует проанализировать в контексте всего библиографического памятника, чтобы понять сам применявшийся его составителем принцип описания содержания рукописных книг. Как заметила Р. П. Дмитриева, «указаний на состав рукописей (перечней глав или статей) опись не содержит, но тем не менее в ней отмечены дополнительные статьи («приписи») к произведениям определенного состава и при перечислении сборников обычно называется начальная, а иногда и некоторые другие статьи».⁷ Если упомянутое в тексте «Мамаево побоище» — это сокращенное название «Сказания о Мамаевом побоище»,⁸ то оно названо здесь в качестве статьи, завершающей описываемую рукопись (а рукопись с этим памятником, как отметила С. А. Семячко, была, несомненно, только одна, что следует из полного совпадения текста описания двух книг — явная ошибка писца!): «Судебник до Мамаева побоища в полдесть в тетради кожа бела, сборник до Мамаева побоища в полдесть в тетради кожа бела».⁹

Формулировка «до какого-либо памятника» в других фрагментах описи 1545 г. не встречается, но неоднократно используется сам принцип указания либо на начальную статью рукописи («Тетрат в полдесть, в начале благословение Геронтия митрополита <...> сборник в четверть дести, в начале Синаникъ православных»¹⁰ и т. д.), либо на конечную, обозначаемую то как «*припись*»,¹¹ то иным способом («да тутю жс»;¹² «в конце»;¹³ «а от задней доски»¹⁴). Однажды встречается и интересующая нас формулировка, хотя и относящаяся не к от-

⁴ Лурье Я. С. Россия Древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 144—145.

⁵ РНБ, ОСПК, О. IV. 22 (см.: Дмитриев Л. А. Сказание о Мамаевом побоище. С. 373).

⁶ Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. статей / Отв. ред. А. И. Клибанов. М., 1990. С. 114.

⁷ Дмитриева Р. П. Описи рукописей Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. // Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1991. С. 18.

⁸ «Мамаево побоище» выглядит как сокращенное название памятника в Летописной редакции: «Побоище великому князю Дмитрею Ивановичю на Дону с Мамаем» (Дмитриев Л. А. Сказание о Мамаевом побоище. С. 372).

⁹ Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. / Публ. Р. П. Дмитриевой // Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 36.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 28, 30—33.

¹² Там же. С. 33.

¹³ Там же. С. 34.

¹⁴ Там же. С. 39.

дельному произведению, а к календарной приуроченности текстов («Трефолой от Семена дни до генваря, в полдесть»¹⁵).

Таким образом, составитель описи для идентификации книг библиотеки монастыря приводит указания на начальные и (или) конечные статьи сборников. Упоминание «Момаева побоища» в описи следует интерпретировать следующим образом: в ней говорится о содержании рукописи, включающей Судебник (или сборник) и завершающейся списком «Сказания о Мамаевом побоище». Попытки М. А. Салминой искать саму эту битву «в границах между 1497 и 1545 г.» (С. 254) являются следствием неправильного, на наш взгляд, понимания текста. В результате у исследовательницы «возникает вопрос — что это за „Момаево побоище“, упоминаемое в описи, о каких событиях могла идти речь в этом документе?» (С. 254). С нашей точки зрения, ответ на этот вопрос очевиден: «Момаево побоище» — это Куликовская битва 1380 г., и именно об этом событии только и может идти речь.

Дальнейшие рассуждения М. А. Салминой приводят ее к заключению, что в произведении под видом Куликовской битвы описываются события конца XV—начала XVI в. Сам подход в принципе представляется возможным: создание памятника, посвященного битве 1380 г., через 100 с лишним лет после нее могло быть обусловлено современными событиями, вызывающими исторические аналогии. Напомним, например, что цикл «На поле Куликовом» Блока посвящен, с одной стороны, победе Дмитрия Донского и основан на текстах памятников Куликовского цикла, но, с другой стороны, поэт «мыслил Куликовскую битву как прообраз современной ему ситуации, в которой роли главных действующих лиц отводились им народу и интеллигенции».¹⁶

Появление в «Сказании о Мамаевом побоище» эпизода с «засадным полком», решившим исход битвы, действительно могло иметь связь с событиями битвы 1500 г. на Ведроши, когда именно скрытый в засаде отряд помог одержать победу (более ранние памятники Куликовского цикла ничего не говорят о «засаде»). Интересна мысль М. А. Салминой о том, что необычная роль в «Сказании» великого князя, удалившегося с поля боя, связана с той осторожной позицией, которую долгое время занимал Иван III по отношению к борьбе против еретиков.¹⁷ В целом справедливым представляется мнение исследовательницы, что за известием о переходе на службу Дмитрию Донскому литовских князей Андрея Полоцкого и Дмитрия Брянского, также отсутствующим в более ранних памятниках Куликовского цикла, «стоит намек на переход к Ивану III в 1499—1503 гг. православных князей Северщины, в том числе Василия Шемячица и Семена Можайского» (С. 256). Схожее мнение уже высказывалось Б. М. Клоссом: «Искусственно проводимая в „Сказании“ мысль, что Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский разошлись со своим отцом великим князем литовским Ольгердом из-за религиозных разногласий (братья — православные, их отец — католик) и потому отправились на помощь великому князю, могла возникнуть и приобрести актуальность в той исторической обстановке, когда началась борьба между православной Москвой и католической Литвой за территории верховских княжеств, население которых исповедовало православие <...> Верховские князья стали переходить на службу к Ивану III <...> Массовыми отъезды верховских князей в Московское государство стали с 1500 г. <...>

¹⁵ Там же. С. 38—39.

¹⁶ Левинтон Г. А., Смирнов И. П. «На поле Куликовом» Блока и памятники Куликовского цикла // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 73.

¹⁷ Заметим в этой связи, что Дмитрий Волинец, согласно «Сказанию», предсказывает князю победу, говоря: «Токмо Бога призывай и не оскудѣй вѣрою!» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 40).

Этот момент и отразило „Сказание“, перенеся ситуацию начала XVI в. на события 1380 г. Очевидно, что „Сказание“ было написано не ранее начала XVI в.»¹⁸

Предложенные исследовательницей соображения о связи «Сказания о Мамаевом побоище» с событиями конца XV—начала XVI в. представляют несомненный интерес и перекликаются с уже отмеченными в научной литературе многочисленными анахронизмами памятника.¹⁹ Вполне возможно, что реальные события и споры начала XVI в., в том числе и связанные с борьбой как против католической Литвы, так и против новгородско-московской ереси, в той или иной степени отразились в «Сказании», хотя формулировки в статье, думается, могли бы быть более осторожными и «предположительными».

Не могу согласиться, например, с такой формулировкой М. А. Салминой: «В изображении же Мамаю, как представляется, угадывается облик „жидовина“» (С. 263); нельзя прямо утверждать, что автор «Сказания о Мамаевом побоище» создал «рассказ о том, как московский великий князь и православная церковь одержали победу над вольнодумством» (С. 264): в произведении все же рассказывается о событиях Куликовской битвы, и в рамках корректного исследования возможно лишь гипотетическое определение исторических параллелей, ассоциаций, аллюзий и намеков на современные автору «Сказания» события.

* * *

Если датировка «Сказания о Мамаевом побоище» началом XVI в., предложенная М. А. Салминой, в целом не противоречит ни датировке наиболее ранних списков произведения, ни истории летописания и представляется вполне вероятной, то постулированная ею датировка «Задонщины» XVI в. (С. 253, 264, сноски 75) вызывает решительные возражения хотя бы потому, что существует список этого памятника второй половины XV в., принадлежащий книгописцу Ефросину (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, л. 123—129 об.)²⁰

Исследовательница, называя «Задонщину» памятником XVI в., ссылается на собственную заметку 1981 г.²¹ и статью 2003 г.²² В первой работе М. А. Салмина прямо не утверждала, что «Задонщину» следует датировать XVI в., но предложила понимать текст «на риць на Чечь» как тайнопись, на самом деле значущую «На Сьрице, и сь...». Сражения на этой реке происходили в 1407 и 1501 гг., причем М. А. Салмина явно склоняется к тому, что в «Задонщине» имелась в виду битва на реке Серице 1501 г. Не говоря уже о том, что сама интерпретация текста памятника является лишь догадкой (как и предложенное В. А. Романовым и поддержанное М. А. Салминой чтение тайнописи в «Сказании о Мамаевом побоище»²³), исследовательнице приходится как-то объяснить противоречие между традиционной датировкой древнейшего списка «Задонщины» и датой якобы «упомянутого» в произведении сражения.

Не останавливаясь на этом вопросе подробно, М. А. Салмина лишь замечает: «Водяной знак бумаги, на которой написана „Задонщина“, — петух. Иден-

¹⁸ Памятники Куликовского цикла. С. 214.

¹⁹ См., например: К у ч к и н В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский... С. 103—126; Памятники Куликовского цикла. С. 200—225 и др.

²⁰ Подробное описание рукописи см.: Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 105—144.

²¹ Салмина М. А. «На риць на Чечь» в «Задонщине» // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 231—233.

²² Салмина М. А. К вопросу о датировке так называемого Новгородско-Софийского свода // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 175—176.

²³ Романов В. А. Об одном фрагменте «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 596—599.

тичный знак в альбомах водяных знаков не найден; в работе (М. Д. Каган, Н. В. Понырко и М. В. Рождественской. — А. Б.) эта бумага датируется *приблизительно* (курсив мой. — А. Б.) 70-ми гг. XV в.»²⁴ На самом деле в упомянутом описании говорится, что водяной знак «Петух» находится на л. 51—143 рукописи, в тетрадах, писанных Ефросином; «идентичного не найдено, типа Л и х а ч е в. Вод. зн., № 2646, в сочетании с короной датируется 70-ми гг. XV в.»²⁵ (как видим, слово «*приблизительно*» добавлено самой М. А. Салминой; аналогичный метод оценки филигранологических данных был применен исследовательницей и по отношению к спискам древнерусских летописей в статье 2003 г.²⁶).

М. А. Шибаев заметил, что этот тип водяного знака, который вообще «встречается крайне редко»,²⁷ характерен для ефросиновских сборников: он находится также в двух других его рукописях — РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099, л. 108, 113, 114 и ГИМ, собр. Уварова, № 338, л. 4, 5, 8, 30, 39, 40, 49, 50, 52, 54, 55, 57, 59, 63—66, 71, 73, 78—100, 345, 348, 613, 614.²⁸

Для датировки переписанных Ефросином тетрадей с филигранью «Петух» существенным является даже не обнаружение идентичного варианта водяного знака (что в практике археографов встречается совсем не часто), а другие обстоятельства. Авторы описания сборников Ефросина справедливо отметили: «Бумага Ефросиновских тетрадей соответствует датам его записей — 60—70-е гг. XV в.»²⁹ Создание им рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 338 (обильно использовавшей запас бумаги с филигранью «Петух») твердо датируется на основании многочисленных записей книжника 1473—1477 гг.;³⁰ что же касается сборника с «Задонщиной», то именно на листах с этим водяным знаком имеется одна из помет рукой самого Ефросина с точной датой: «В лѣто 6984 сеп(тября) 18 в нед(елю) почая писати» (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, л. 138). «Сентябрьский» 6984 г. для указанной даты соответствовал бы 1475 г., но в этом году воскресенье было не 18, а 17 сентября. Зато в предыдущем 1474 г. воскресный день выпадал как раз на 18 сентября. В это время Ефросин уже начал переписывать «Хождение игумена Даниила» (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, л. 130 об. и далее), а незадолго до того закончил писать на той же бумаге «Задонщину» и сопровождающую ее выборку летописных известий (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, л. 123—130 об.).

Если традиционную датировку «Задонщины» и летописей М. А. Салмина пытается отвести путем утверждения, что «вопрос о залежности бумаги в XV—XVII вв.» якобы «в должной степени не изучен»,³¹ то прямые хронологические указания записей Ефросина не могут быть проигнорированы таким способом. Итак, оснований для перенесения датировки «Задонщины» в XVI в. не имеется и не может быть: ее древнейший список, безусловно, относится ко второй половине XV в. (около 1474 г.).

²⁴ Салмина М. А. «На риць на Чечь»... С. 231.

²⁵ Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников Ефросина. С. 106.

²⁶ Салмина М. А. К вопросу о датировке... С. 180—181.

²⁷ Шибаев М. А. К вопросу о бумаге Толстовского списка Софийской I летописи и сборников Ефросина // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 200.

²⁸ Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников Ефросина. С. 7, 215. Наблюдение М. А. Шибаева «о тождестве водяных знаков из ефросиновских сборников и Толстовского списка» Софийской I летописи позволило ему высказать гипотезу о происхождении этого списка из Кирилло-Белозерского монастыря (Шибаев М. А. К вопросу о бумаге Толстовского списка... С. 207).

²⁹ Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников Ефросина... С. 106.

³⁰ Там же. С. 215.

³¹ Салмина М. А. К вопросу о датировке... С. 181.